

маторов, проживающих в Карасубазаре до Великой Отечественной войны, на большей части мужских надгробий кладбища были изображены предметы, свидетельствующие о занятиях усопшего: молоток — у сапожника, ножницы — у жестянщика, колпак — у шапочника, однако нигде в литературе никаких упоминаний об этом нет. Это представляется странным еще и потому, что в конце XIX — начале XX вв. в связи с вопросом о датировке надгробий Чуфуткале и Мангупа и деятельности А. Ш. Фирковича Карасубазарскую общину крымчаков посетили Э. Дейнард (12), Д. А. Хвольсон (13, с. 182 и сл.), А. Я. Гаркави (13, с. 189), Гидалевич А. Я. (14, с. 152—157). Зная о поселении крымчаков в Карасубазаре в конце XV в., они не обратили внимания на кладбище и его надгробия, хранившие образцы письменности и форму надмогильных сооружений этого периода...

Полученные в ходе археологических исследований антропологические материалы после соответствующего изучения специалистами дадут новые данные по этнической истории крымчаков. О необходимости такого исследования писал в 70-е гг. XIX в. академик А. Куник (15, с. 60).

В целом же сообщения информаторов, археологические раскопки, выявившие особый тип крымчакского могильного сооружения, отличного от подобных сооружений других народов, проживавших в Крыму в средневековый период, позволяют начать поиск более ранних могильников крымчаков в пунктах их расселения, известных по письменным источникам. В результате этих исследований могут быть получены новые важные материалы по этнической истории крымчаков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. А ч к и н а з и И. В. К вопросу об этногенезе крымчаков в советской историографии // Материалы по археологии, истории и этнографии Крыма. — Симферополь, 1990. — Вып. 1.
2. А ч к и н а з и И. В. Крымчаки. Историко-географический обзор по публикациям XIX — нач. XX вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Крыма. — Симферополь, 1992. — Вып. 2.
3. Ф а р ф е л ь И. Г. Древняя еврейская синагога, найденная в городе Феодосии. — Феодосия, 1918.
4. Ч е р н и н В. Ю. О появлении этнонима «крымчак» и понятия «крымчакский язык» // География и культура этнографических групп татар в СССР. — М., 1983.
5. К о т л е р И. Б. Фамилии крымчаков как источники их этнической истории // Малые и дисперсные группы в Европейской части СССР. — М., 1985.
6. К у п о в е ц к и й М. С. К этнической истории крымчаков // Этноконтактные зоны в Европейской зоне СССР (география, динамика, методы изучения). — М., 1989.
7. Л я к у б П. М. Крымчаки // Рассвет. Орган русских евреев. — Одесса, 1860. — № 13.
8. Л е в и Р. А., Т р е в г о д а Т. И., П у р и м Л. М. Секреты крымчакской кухни. — Симферополь, 1990.
9. А ч к и н а з и И. В. Отчет об охранных археологических исследованиях в городах Белогорске и Феодосии Крымской области в 1990 г. — Симферополь, 1991.
10. К о к о в ц е в П. К. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке // ЖМНП. — 1913, ноябрь.
11. Л е б е д е в В. В. Еврейская средневековая рукописная книга // Культура народов Востока. Очерки. — Кн. 1. — М., 1987.
12. Д е й н а р д Э. Масса Крым. — Варшава, 1878.
13. Х в о л ь с о н Д. А. Сборник еврейских надписей. — СПб., 1884.
14. Г а д и л е в и ч А. Я. Футляр для торы из синагоги крымчакской общины в Карасубазаре // ИТУАК. Симферополь, 1916. — № 53.
15. К у н и к А. Тохтамыш и Фиркович // Приложение к 27 тому Записок императорской академии наук. СПб., 1876.

А. В. ЕФИМОВ

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КРЫМСКИХ ТАТАР (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Похоронная обрядность — один из слабо изученных вопросов этнографии крымских татар. До сих пор в специальной литературе отсутствует описание традиционных погребальных ритуалов. Источником же информации могут быть сообщения авторов середины XIX в. В

работах Радде (1), В. Х. Кондараки (2), А. Андриевского (3), этнографическом обзоре «Народы России» (4, с. 299—301) приводятся зачатую схожие по изложению и фактам данные.

В последующие годы, несмотря на интерес к истории и культуре крымских татар, публи-

кации по погребальной обрядности носили поверхностный характер и воспроизводили уже известные, не всегда корректные, сведения.

Предлагаемая работа основана на материалах полевых этнографических исследований, проведенных автором в 1991 г. Основными информаторами являлись пожилые люди — уроженцы Бахчисарайского и Судакского районов, еще помнящие старинные обряды, одни из которых соблюдается и ныне, другие уже утрачены.

В погребальном ритуале крымских татар мы выделили несколько последовательно чередующихся обрядовых комплексов:

1. Погребальные обряды, связанные с фактом смерти.
2. Подготовка покойного к захоронению.
3. Обряд захоронения.
4. Поминальные обряды.

В соответствии с этим и будет строиться дальнейшее изложение материала.

Когда становилось ясно, что смерть неизбежна, в дом к умирающему приглашали либо муллу этого «маале» (квартала), либо хорошо знающего молитву человека, который, находясь рядом с умирающим, громко, чтобы он слышал, читал 36-ю суру Корана — «Йасын». Если же умирала женщина, то молитва читалась у входа в помещение.

На это время из дома выносились все продукты, чтобы они не стали «нечистыми».

В момент смерти, когда «душа выходила из тела», мулла читал молитву «Иман тазиле дуасы». Если человек умирал с открытыми глазами, то находящийся рядом близкий родственник закрывал их. Далее, пока покойный «не остыл», веревками или платками «явлукъ» подвязывали подбородок («джакъты байляна») и ноги («аякъ байляна»). Причем ноги связывали по-разному, в различных районах: в ступнях, ниже колен, или только большие пальцы ног.

Двое мужчин поднимали покойного с места, где он умер, и переносили в центр комнаты. Укладывали на предварительно подготовленный матрас («тошек» или «мендер») и белые простыни («безз чаршаф») головой на запад, а лицо поворачивали к югу, «могиле Мухаммеда». Существовали различия по районам и в положении рук покойного. Так, в бывшем Албатском районе руки покойного складывали на груди, в Балаклавском и Бахчисарайском их укладывали вдоль тела.

Покойного покрывали материей, приготовленной им задолго до смерти. В Бахчисарайском районе на грудь покойного укладывали раскрытые ножницы «макас» для женщин и нож «пычакъ» для мужчин (по объяснениям — «чтобы на расцух»). Иногда на груди оставляли лишь молитву — «дуа».

Если смерть наступала утром или днем, но не позже захода солнца, погребение необходимо

было провести в тот же день. Если же человек умирал вечером, то похороны откладывались на следующий день.

Для извещения родственников отправляли гонца, который, объезжая деревни, делал «дженази» — сообщение о смерти.

В дом умершего собирались родственники, соседи, односельчане.

В день похорон на кладбище направляли двух-трех человек, которые копали могилу.

Пришедшие на похороны надевали рубашки «гольмек» с длинными рукавами и обязательно «тахие» — тубетейку.

При входе в дом покойного вместо приветствия произносили: «Алла сабыр берсин». Родственники отвечали: «Достлар сагъ олсун»*. Каждый приходящий приносил с собой отрез материи, который укладывали рядом с покойным.

Пришедшим разрешалось взглянуть на лицо покойного, для чего приподнималось покрывало, а затем вновь опускалось. Мужчины усаживались рядом с умершим. В некоторых районах, в частности, в Судакском, пришедшие, как мужчины, так и женщины, сидевшие в другой комнате, распевали гимны — «иллия» религиозно-философского содержания.

Когда случалось, что человек умирал ночью, и похороны переносились на другой день, то всю ночь рядом с ним оставалось несколько человек. Покойника одного в доме не оставляли.

Запрещалось возле умирающего пить воду, употреблять пищу. Еду в это время нельзя было готовить на кухне, в доме и даже во дворе. Всю трапезу готовили в соседнем доме или у родственников.

После получения известия о том, что могила готова, приступали к обмыванию покойного.

В каждой деревне или «маале» было несколько человек, именовавшихся «ювуджи» — обмывальщиками. Узнав о смерти, они приходили без приглашения.

В углу двора или дальней стороне сада устраивали деревянную загородку («олю ювугъан ер»), завешенную коврами, тканью и одеялами — «перде». Внутри ее заносили деревянный стол с желобом («тенешир» от перс. «тенешур») для обмывания покойного и таз для воды — «леген». Тенешир устанавливали так, чтобы положение усопшего соответствовало его положению в комнате, то есть головой на запад, ногами на восток. Все предметы для обмывания приносили из мечети, где они хранились в специальном помещении. Умершего мужчину обмывал обязательно мужчина, женщину — женщина.

*С крымскотатарского — «Даст Аллах терпения», «Спасибо друзья».

Обычно в обряде участвовали 3 человека. Обязанности распределялись следующим образом: старший обмывал; второй поливал водой; третий подносил горячую и холодную воду.

Перед выносом тела из дома в отдельной комнате читали суру «Йасын». Далее мужчины, взяв простыню за углы, выносили покойного головой вперед на улицу и заносили в «олю ювулган ер». Там усопшего укладывали на «тенешир». Перед обмыванием старший «ювуджи» читал молитву «дженазие дуасы», только после этого приступали к обмыванию.

Вначале ножницами разрезали одежду, снимали ее, затем, прикрыв «срамные места», обмывали. Специфическая одежда обмывальщиков состояла из длинного белого матерчатого фарука («оглюк») и тряпичных перчаток («кюлчакъ»), переданных им родственниками покойного. Усопшего обмывали три раза с мылом, а затем три раза холодной водой, поворачивая с одного бока на другой. Сейчас после третьего раза принято приглашать родственников покойного, которые с ним прощаются, однако раньше это не было принято. Во время третьего — последнего обмывания — к «олю ювулган ер» приглашали двух-трех мужчин, которые исполняли иллия «Сув сельясы». А затем покойному делали омовение («абдест»), как перед молитвой. Вытерев полотенцем тело и заткнув ватой уши, рот, нос и т. д., его облакали в «кефын» — саван (от араб. «кефан»).

Кефын шьют из заранее приготовленной материи: мужчинам — мужчины, женщинам — женщины. В комплект кефын обычно входили: 1. «Гольмек» — рубашка длинная для женщин и короткая для мужчин. 2. «Штан» или «туман» — материя, закрывающая ноги. 3. Три слоя ткани, в которую заворачивали покойного.

Для женщин в некоторых селах кроили из той же материи головное покрывало («марама» или «магърама») и платок («ялукъ»), которые не завязывая укладывали на голове.

На гольмек клали написанную муллой молитву «иман дуа». Основным требованием к кефын являлось то, что при его шитье нельзя было использовать оборванную или имеющую узелки нить.

Кефын в голове и ногах подвязывали веревкой. По команде старшего обмывальщика в «олю ювулган ер» вносили и устанавливали на ножки принесенные вместе с тенешир из мечети носилки для переноски покойного «табут» (от араб. «табыт») или «салагъач».

Подложив под покойного два пояса («къушакъ»), укладывали его в табут. Из дома выносили принесенные гостями отрезки материи и обкладывали ими покойного. В некоторых селах Южного берега голову покойного обкладывали цветами.

Грязную воду после обмывания выливали в одно место — обычно в дальний угол двора или

под дерево, в специально вырытую яму, туда же закапывали одежду покойного, перчатки и передники обмывальщиков. После обмывания мойщики, не заходя в дом, сразу уходили, однако после совершения омовения и абдеста могли вновь прийти на похороны.

Покойного из загородки выносили головой вперед. Табут устанавливали в центре двора, с правой стороны от покойного становился мулла лицом к мужчинам, стоявшим перед носилками и ожидавшим выноса тела.

Мулла обращался к присутствующим с просьбой о прощении всех грехов покойнику. Спрашивали у сыновей, согласны ли они отдавать долги покойника. Ответ получали, как правило, утвердительный. После чтения молитв «дженазие-дуа» и «эль-хам» мулла просил поднять табут. Первыми его брали дети и близкие родственники. Женщины, стоявшие поодаль во время молитвы, провожали процессию до ворот. Выходить за ворота им запрещалось.

Табут с покойным выносили головой вперед. На передние ручки носилки вешали полотенца и яркие пестрые ленты — в зависимости от того, кого хоронят: мужчину или женщину. Табут несли с многократным повторением имени Аллаха, передавая из рук в руки. Процессия двигалась быстро, торопясь до захода солнца закончить погребение. При подходе к кладбищу («мезарлыкъ») табут опускали на установленный «мусалла-таш». Мулла, обращаясь в сторону Мекки, вновь совершал дженазие-дуа. Сняв обувь и встав на молитвенный коврик («намазлыкъ»), совершал четыре «рката» намаза. После намаза табут заносили на кладбище и устанавливали у могилы («къабыр»).

Для мужчины могилу копали глубиной по пояс, для женщины — по грудь. В южной стенке могилы делали подбой, именуемый «лят, ляхт, лятин».

Мужчину в могилу опускали близкие родственники на руках или на положенных под покойного в табут поясах («къушакълар»).

Женщину также опускали родственники, над могилой натягивали принесенную с собой простыню — «чаршаф».

В могиле покойный должен был лежать головой на запад. После того, как умерший был уложен в нишу, лицо его немного поворачивали в сторону «кыблы», то есть на юг, развязывали кефын на голове и ногах покойного.

Два человека, копавших могилу, опускались в нее и лопатой («лескер») насыпали на покойного немного земли.

Над головой умершего прикрепляли полосу бумаги с текстом молитвы («дуа»)*, или укладывали его на грудь покойного. В некото-

*Одна из небольших сур Корана.

рых районах в могилу клали еще и палочку для письма.

Далее устанавливали деревянное перекрытие, препятствующее попаданию земли в «лят», именуемое «тахта» или «ярма» (Судакский район). Затем присутствующие засыпали могилу, причем лопаты не передавали из рук в руки, а опускали на землю.

По окончании все садились и приступали к чтению суры «Йасын», далее читали «тебарике» и «хатим». Завершали молитву раздачей «садакья» — милостыни, тем, кто читал два, давали принесенные в табуте отрезки ткани.

В голове и ногах покойного устанавливали деревянные столбики «баш» — и «аякь тахта» разнообразной формы. На «баш тахта» писали с внутренней стороны или с внешней стороны имя покойного и его возраст. Они стояли до установления каменного памятника.

После ухода всех с кладбища возле могилы оставался мулла, который, стоя с правой стороны у изголовья, читал «телькьин дуа». На протяжении сорока дней мулла приходил на кладбище и читал ту же молитву.

По возвращению в дом покойного провожающие обязательно мыли руки, а войдя в комнату, читали «Иасын». Трапеза проходила на специальной простыне, которую использовали лишь в дни похорон. Из ритуальных блюд делали «акь алва» — халву и «кьатлама» — вид пресных лепешек.

Поминки («дуалар») устраивали на 3, 7, 37, 40, 52 дни, а также через 3, 6, 12 месяцев со дня кончины.

Опираясь на собранные сведения, мы мо-

жем выделить в погребальной церемонии две группы обрядов, определяемые как «шариат» и «адет» — обычай. Надо заметить, что при сопоставлении погребальные обряды некоторых других народов, исповедующих ислам (узбеки, дагестанские терекменцы и т. д.), обряды группы «шариат» во многом совпадают. Например, изготовление «кефын» — савана, вынос покойного, движение к кладбищу и т. д. Обряды же группы «адет» в большинстве своем аналогий не имеют: обкладка покойного в «табуте» цветами, положение тела в могиле и т. д.

На основании вышесказанного мы можем предположить, что часть обрядов группы «адет» связаны, вероятно, с доисламскими верованиями и являются наиболее древними.

Таким образом, цикл похоронных обрядов, отличающийся, как известно, большей консервативностью, помогает воссоздать некоторые архаические этапы развития древних религиозных представлений и верований крымских татар.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Р а д д е Г. Крымские татары // Вестник Русского Географического общества. — Ч. 18, № 6, 1856, Ч. 19, № 1, 1857.
2. К о н д р а к и В. Х. Обряды крымских татар. Погребение // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. — 1865. — № 41.
3. А н д р и е в с к и й А. Крым и крымские татары. Чтение. Изд. 3-е (исправленное). — Киев, 1892.
4. Народы России. Живописный альбом. Выпуск III. — СПб., 1878. — с. 299—301.

С. Р. ИЗДИНОВА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Критическая ситуация с имеющим многовековую письменную традицию крымскотатарским языком является следствием геноцида и трагедии крымскотатарского народа. Драматизм положения заключается в том, что за годы депортации и «апартеида», наряду с проблемой выживания крымских татар как этноса, со всей остротой встала проблема исчезновения одного из тюркских языков мира. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что подрастающее поколение плохо, а зачастую и вовсе не владеет родным языком и лишено возможности приобщения к многовековой духовной национальной культуре. До настоящего времени большая часть депортированного народа находится вне пределов Крымского полуострова. Только

возвращение на историческую Родину может быть основой для успешного возрождения языка, культуры и национальных традиций.

Согласно классификационным схемам, крымскотатарский язык, вместе с караимским, кумыкским, балкарским, карачаевским, входит в западно-кыпчакскую группу тюркских языков (1, 2). При этом следует особо подчеркнуть, что из данной группы крымскотатарский язык, обладающий общественными функциями (на нем говорят около полумиллиона человек), является, по вполне понятным причинам, слабо изученным. Указанное выше место крымскотатарского языка в классификационных схемах основывается исключительно на нормированном литературном языке довоенного и отчасти по-